По просьбе наших читателей «Вести» повторяют наиболее понравившиеся рассказы Ариши Зимы из цикла «Однажды».

Однажды на пленэре

Когда мне было восемь лет, родители решили усыновить пятилетнего мальчика Егора из детского дома. Конечно, я мечтала о брате, но мне хотелось качать его в колясочке, петь колыбельные песенки, пеленать, как моего любимого, привезенного из ГДР резинового пупса с мягким животиком. Вместо этого в нашем доме появился большой мальчик с плохим характером. Дома все стало подчиняться его желаниям и капризам. Мама готовила то, что хочет этот чужой мальчик, смотрела фильмы, которые хочет он, делала все, что ему нравилось.

Мне было обидно, что в одночасье я переместилась на второй план.

Конечно, родители уверяли, что любят меня по-прежнему, просто своим особым вниманием они пытаются приучить Егора к новому дому, семье и жизни в кругу близких людей.

Но я не могла даже смотреть на новоиспеченного братца. По ночам на кухне он ел хлеб, оставляя после себя крошки на полу, свежевыстиранные отглаженные мамой вещи он прятал под подушку, и к утру они становились, словно жеванными. За ужином до упора набивал едой рот, облизывал тарелки, плохо говорил, почти не умел писать.

Когда Егор пошел в первый класс, мне было поручено присматривать за ним.

В общем, с тех самых пор как Егор переступил порог нашего дома, жизнь крутилась только вокруг него, а мне оставались только крохи любви моих родителей и статус старшей сестры с вытекающими последствиями…

Мама оказалась права, когда говорила про время, которое нужно всем, чтобы привыкнуть друг к другу, стать терпимее и роднее.

Первое «потепление» к брату случилось, когда он во втором классе потратил на подарок ко дню моего рождения все деньги, полученные за два месяца от родителей на завтраки. В раннем детстве я видела по телевизору художественный фильм про стюардессу, название его не запомнила, но стала мечтать о костюме этой небесной красавицы, позже я обожала песню «Стюардесса по имени Жанна».

Зная о моем желании, Егор в подарок купил набор стюардессы, в который входила нежно-голубого цвета пилотка с золотистыми крылышками посередине, погоны с булавками для крепления и малюсенькая полиэтиленовая сумочка, а-ля клатч. Восторгу моему не было предела. Я не стала расспрашивать, как Егору удалось найти это сокровище, мне даже не пришло в голову уточнить, откуда деньги, я просто пищала от радости и впервые сказала как рада, что у меня есть родной брат. До сих пор в нашем семейном альбоме хранится фото с моего дня рождения, где все подружки в нарядных бантах и только я в долгожданной пилотке…

С тех пор все изменилось, Егор стал лучше учиться, бережней относиться к одежде, помогал хлопотать по дому, активно занялся физкультурой, чтобы уметь постоять за себя и защитить меня. Тогда я еще не подозревала, каким сильным духом обладает маленький Егор, но уже понимала, что в моем сердце для него появилось особое место…

Между нами, как у всех, бывали стычки, споры, но никто из нас никогда не переходил грань допустимого. Иногда подшучивали друг над другом, но без злобы и жестокости. Вскоре я стала замечать тягу Егора к музыке: он без труда мог воспроизвести незнакомую мелодию. Тогда я упросила родителей отвести его на прослушивание в музыкальную школу.

Несмотря на то, что Егору было уже одиннадцать лет, после просушивания его приняли на инструментальное отделение в класс классической гитары.

Забегая вперед, скажу: Егор оказался невероятно талантливым учеником. Правда, каждый раз он говорил, что его успехи появились только благодаря мне. Не скрою, слышать это было безумно приятно…

Бывая на отчетных концертах, я часто попадала на выставки художественной школы, которая делила крышу с музыкальной. Егор познакомил меня с девчонками с художественного отделения, у которых я стала брать уроки живописи. Так один дом искусств стал для нас целым миром, наполненным хорошей музыкой и разноцветными красками.

Однажды ранней весной я напросилась с юными художниками на пленэр – живописную технику изображения объектов при естественном освещении, другими словами, рисование на свежем воздухе. Учитывая мой шестнадцатилетний возраст, официально в художественную школу меня не приняли, но, зная моего брата, преподаватели с удовольствием приглашали нас на праздники, выставки и другие мероприятия.

В тот год март был на удивление теплым и солнечным. Шумной компанией будущих мастеров живописи во главе с талантливым гитаристом мы отправились на живописное озеро, где традиционно ученики мэтров изобразительного искусства проводили пленэры. Компания расположилась на берегу, а мы с Егором решили немного прогуляться, поискать подснежники. В этом прекрасном уголке нетронутой природы на окраине большого города был настоящий рай. Пели птицы, в воздухе пахло весной.

Озеро еще было закрыто льдом, от которого отражалось огромное яркое солнце. Егор решил проверить прочность ледового покрова. Преподаватель в самом начале нашей прогулки запретил ходить на лед, поскольку тот был уже непрочным, но моему смелому братцу эти слова были, словно пустой звук. Он разбежался и прокатился почти до центра озера. Все стали возмущенно кричать и махать руками, чтобы он перестал дурачиться и вернулся на берег. Егор еще немного покружился, словно балерина, и покатился в сторону берега.

Вдруг порыв ветра сорвал с него шапку. Успев схватить непослушное дитя за рукав, я буквально выдернула озорника на берег, а сама отправилась за его шапкой. Ветер с легкостью уносил головной убор к середине озера, и мне пришлось почти бежать по заснеженному льду. Вдруг подо мной треснул лед, и я провалилась в ледяную воду, успев зацепиться руками за край проруби…

Никогда прежде я не чувствовала такой боли и страха. Я не смогла даже выдавить простое «помогите!!!». Спазм как тисками сдавил мое сердце и грудь, я стала задыхаться, слабеть и терять сознание, как вдруг почувствовала резкий рывок. Когда открыла глаза, увидела перед собой перепуганные глаза брата. Он что-то все время говорил и медленно тащил мое закоченевшее тело на берег. Только там я поняла, что на мое спасение он бросился один. Все вокруг охали и причитали, но ступить на хрупкий лед никто не решился.

Придя в себя, мы с братом бегом отправились домой, договорившись не рассказывать родителям о случившемся. Вещи бросили сушить на батареи, а сами, заварив чай с шиповником, уселись возле электрического камина. Как мы ни старались скрыть нашу тайну, это оказалось невозможным. Из-за переохлаждения к вечеру у меня поднялась высокая температура, а Егор получил растяжение сухожилия правовой руки. Родители не стали нас ругать, просто обняли, а мама горько заплакала, причитая, что мы оба могли погибнуть.

Несмотря на то, что гитаристу досталось больше увещеваний и нравоучений, он каждый день просил прощения у меня за свою глупость. Я не злилась и не обижалась, просто знала, что Егор никогда меня не бросит в беде, даже если опасность будет грозить ему самому…

Занятие изобразительным искусством так и осталось хобби. Окончив школу, я поступила в престижный вуз на факультет журналистики. Через несколько лет влюбилась в прекрасного парня Владислава, который учился на физмате. Сосредоточенный вдумчивый парень сразу не понравился Егору. Они были словно две противоположности. Владик не любил музыку, считал несерьезными людей, увлекающихся искусством. Он все время что-то планировал, нервничал, когда планы срывались, был невероятно пунктуальным, презирал в людях необязательность и небрежность.

Мой Егор все время пел песни, после школы поступил в театральный вуз, с легкостью мог забыть позвонить своим подружкам, часто терял перчатки и шапки.

Мне казалось, что мой возлюбленный и есть эталон настоящего мужа, поскольку в брате

видела лишь человека, которому постоянно нужна нянька…

После смерти бабушки по линии папы мне в наследство перешла небольшая двухкомнатная квартира в центре города. Бабушка при жизни не любила перемен, из-за чего категорически протестовала против любых намеков на ремонт. Поэтому нам всем пришлось изрядно попотеть, чтобы привести жилье в божеский вид.

Так случилось, что главным моим помощником в ремонте стал Егор. Днем каждый из нас учился, а вечером под рассказы о происшествиях за день мы клеили обои. Одну стену Егор предложил мне разукрасить цветами, которые он видел в альбомах, нарисованных мною. Я засомневалась, но он был убедительным. К моему удивлению, все получилось очень недурно, а, по словам Егора, просто великолепно…

После завершения ремонта Владик все же нашел время, чтобы посмотреть на наши старания. Нахмурив брови, он с важным видом обошел мой новый маленький дом и заявил, что в принципе неплохо, кроме цветов, которые нужно заклеить остатками обоев…

Егор быстро надел ботинки и взбешенный выскочил из квартиры. Мы с Владиком остались одни. Я объяснила, что цветы – это плоды моего творчества. На что мой возлюбленный, не меняя тона, заявил, что тем более это нужно заклеить, поскольку он уже видел мои работы и считал, что я не умею рисовать…

Слезы подступили к моим глазам. Не имея привычки плакать по пустякам, я вдруг расплакалась как ребенок. Владик удивленно посмотрел на меня и сказал, чтобы я выпила валерьянки. Усталость от ремонта, нагрузка в вузе, отсутствие помощи со стороны любимого человека, его обидные слова – все разом накатило на меня. Я сделала глубокий вздох и сквозь слезы закричала: «Пошел вон!!!» Владик пожал плечами, обулся и ушел. Мои ноги подкосились, я сползла по стене, села на корточки, продолжая горько плакать.

Егор не скрывал радости, когда узнал, что мы с Владом расстались, однако я от горя и обиды плакала каждый вечер. Ведь Владик не сделал ни одной попытки помириться со мной.

На выпускном балу по случаю окончания университета я узнала, что Владик женился на очкастой сокурснице, и решила окончательно выбросить бывшего возлюбленного из головы. После окончания вуза я устроилась на работу в рекламное агентство. Получалось не сразу и не все, но мне повезло. Коллеги оказались доброжелательными и по-настоящему творческими людьми. Они многому меня научили. Егора после окончания театрального института взяли режиссером в крупное государственное учреждение культуры нашего города. Он отвечал за постановку многих областных праздников, а я их освещала. Девчонки кружились стаями вокруг Егора. С возрастом он превратился в высокого симпатичного голубоглазого шатена, но для меня все равно оставался сопливым мальчишкой с диатезными щеками, со штопаными на коленках штанами и всегда что-то забывающим…

Однажды Егор объявил, что решил жениться на смазливой пианистке Розе из музыкального коллектива своего учреждения. Мы с мамой были в шоке. Из всех достойных девушек, что были в его окружении, он выбрал самую неприспособленную к домашнему быту особу. Она моталась по гастролям, не умела готовить и была увлечена только собой. Даже когда играла на фано, старалась увидеть свое отражение в крышке рояля. Но решение было принято, свадьба состоялась…

Мы с родителями помогли отселить молодых в небольшую квартиру, где тоже нужен был капитальный ремонт. Роза срочно куда-то уехала, мама мучилась ревматизмом суставов рук, папа жаловался на боли в спине. Ремонт в новом жилье традиционно делали только двое – близкие и родные брат и сестра, то есть мы.

Когда Егору исполнилось двадцать пять лет, я стала замечать небольшую асимметрию на его лице – глаз и уголок правой губы будто съехали вниз. Я запаниковала, заставила пройти обследование, при котором выявили хроническое сосудистое заболевание, оно могло быть врожденным или приобретенным вследствие детской травмы или переохлаждения. Срочное лечение не давало результатов. Врачи предложили попробовать пройти лечение в специализированном неврологическом центре, расположенном в другом городе. Роза, как всегда, была на гастролях, Егор поехал в центр вместе с отцом.

На повороте в аэропорт машину такси резко занесло, водитель не справился с управлением и врезался в ограждение. Папа отделался переломом ноги и руки, у Егора был сломан шейный позвонок, от черепно-мозговой травмы и кровоизлияния в мозг он

впал в кому.

Для нас с мамой это был настоящий удар. Попеременно мы дежурили то у папы, то у Егора, вымаливая у Бога спасение и выздоровление. Переломы папы быстро срослись, но период реабилитации занял почти полгода. Егор через месяц пришел в себя, но врачи давали неутешительные прогнозы. Раны после операций зажили, ушибы прошли, но проблемы с сосудами были и до аварии, Егор потерял память, частично зрение, возможность говорить и ходить…

Роза, не дожидаясь выписки, собрала вещи, развелась с ним и вернулась жить к своей маме.

В больнице предложили перевести Егора доживать его «овощную» жизнь в хоспис или интернат для глубоких инвалидов, поскольку перспектив выздоровления, по словам врачей, не было никаких.

После аварии мама пережила микроинфаркт, руки ее почти не слушались, папа только встал на ноги и сам иногда был беспомощным. Я приняла решение забрать Егора к себе. Но мое решение никто из родителей не принял. Они убеждали, что это обуза на долгие годы, поскольку сердце у Егора сильное, и в таком состоянии он может прожить много лет, а мне нужно думать о себе, семье, детях.

В ответ я старалась объяснить, что они слабы и не смогут ухаживать за тяжелым молодым мужчиной. Тогда мама набрала воздух в легкие и сказала, что она никогда не могла иметь детей, поэтому сначала они удочерили меня, а потом Егора.

Но я попала в дом очень маленькой девочкой, поэтому не помнила своей страшной судьбы в семье матери-алкоголички. Родители решили, что не имеют права обременять меня их заботами, раз они взяли на себя ответственность за чужих детей. Они сами должны нести свой крест, и, если есть малейшая возможность помочь Егору выкарабкаться из страшной беды, они это сделают.

Некоторое время я пребывала в шоке. Вдруг я вспомнила, как шпыняла своего младшего брата за то, что он просто появился в нашем доме, как украдкой мечтала, чтобы он исчез из нашей жизни, мне стало стыдно перед родителями и собой.

В голове кружились воспоминания о первом подарке Егора, о той ледяной полынье, из которой он меня вытащил. Я собралась с мыслями и заявила, что несмотря ни на что от брата не отрекусь. Отец крепко обнял меня. Мы стояли в коридоре опостылевшей больницы, плакали, понимая, что нас всех впереди ожидает очень тяжелое будущее.

Жизнь обрела другой ритм. Главная ее часть была подчинена лечебным процедурам, чистке катетеров, массажам, чтобы не оставалось пролежней, кормлению.

Первые полгода Егор был неподвижен и никак не реагировал на наше присутствие. Мы нашли специалиста по иглоукалыванию. И после нескольких процедур в состоянии Егора появилась незначительная положительная динамика. Егор смог сжать мою руку в своей. На вопрос: «Ты узнаешь меня?» – он моргнул и утвердительно качнул головой. От счастья я прыгала по квартире. С тех пор начался новый этап.

Мы поверили, что все можно изменить. Когда сознание и возможность говорить вернулись к Егору, ему понадобился еще год, чтобы научиться ездить в инвалидной коляске и еще два, чтобы научиться ходить с палочкой.

Однажды Егор сказал, что, увидев во сне мои нарисованные на стене цветы, понял, что находится у меня дома, значит, его не забыли и по-прежнему любят. А еще он удивлялся сну, в котором он провалился в то самое озеро, а я отчаянно и безрезультатно пытаюсь его вытащить.

В жизни так и случилось. Мне пришлось потратить много сил, чтобы вытащить своего брата из ледяных оков болезни, а ему упорства – чтобы снова захотеть жить.

Вскоре Егор стал ходить без поддержки…

Такие испытания не проходят бесследно. Когда Егор окончательно поправился, мы все словно после долгого тяжелого сна вышли на солнечный свет, а все вокруг изменилось до неузнаваемости. Почти не стало друзей, на работе полностью сменился коллектив, даже город преобразился: появились новые здания, которых я прежде не замечала.

Все нужно было начинать сначала.

Однажды Егор предложил встретиться в нашем любимом кафе. Я с удовольствием согласилась. Он пришел в компании приятного молодого парня, лицо которого мне показалось знакомым. Это оказался сын мужчины, лежавшего вместе с Егором в одной палате долгое время. Я вдруг вспомнила, как помогала его отцу, а Игнат в наше отсутствие – Егору.

Оказалось, что отца Игната, которого он беззаветно любил, не смогли спасти после тяжелой болезни. Однако Игнат, как и мы, тоже старался начать жить заново. Нам было о чем поговорить…

В глазах людей, переживших тяжелое испытание, есть особый отпечаток. Он притягивает себе подобных. А может, я просто захотела любить и летать, но с Игнатом мы больше не расставались. После того как он восторженно отозвался о моих цветах, я окончательно убедилась, что нашла свою половинку.

Егору потребовалось больше времени, чтобы снова научиться доверять женщинам и обрести любовь.

К счастью, наши родители дожили до светлых дней, когда мы снова научились смеяться и верить в лучшее.

Давным-давно наши отец и мать решили усыновить двух брошенных детей и боролись за их счастье до самых своих последних дней, вселяя в нас надежду, когда все ее теряли.

Они ушли из жизни один за другим, тихо, во сне. Словно выдохнули оставшуюся нежность, передав ее нам вместе безграничной любовью.

Ариша ЗИМА